

— **М**истер Ди Меола, существует некий обязательный блок вопросов к западным музыкантам, приезжающим в Москву. Если не возражаете, с него и начнем: как прошло ваше открытие России?

— Ну, впервые я был приглашен сюда три года назад в жюри конкурса молодых гитаристов. В рамках этого события прошло мое единственное сольное выступление. Но за три дня я практически ничего не успел посмотреть. В этот раз у меня гораздо больше возможностей, и могу сказать, что мне здесь нравится. Вы сделали большой шаг вперед, и, мне кажется, в Москве уже можно жить. Есть хорошая инфраструктура: отели, концертные залы, клубы, казино... Появился комфорт в западном понимании этого слова.

— Но ведь во всех городах есть разные стороны жизни... У вас была возможность посмотреть на «непарадную» жизнь Москвы, на ее, так сказать, «темную» сторону?

— Нет, то, что называется «темной» стороной, я, слава богу, не видел. Вот в Нижнем Новгороде, пожалуй, да. И еще в одном городе, там, где Ленни Агутин работает в студии.

— Тверь?

— Может быть... Это два часа от Москвы. Там меня провезли по таким кварталам... Я так скажу: это впечатляет, в Штатах мы ничего подобного не видели. На этих улочках можно снимать кино, никаких декораций строить не нужно.

— Ну а теперь об Агутине. Лет десять назад, когда он только начинал, я работал с ним в одной программе, и когда меня попросили дать комментарий, я сказал, что в этой программе — куда ни плюнь, сплошные звезды, а музыкант лишь один: Леонид Агутин. А что вы можете сказать о нем сегодня?

— Знаете, очень интересно, как Ленни работает на той стороне музыки, которая близка к поп-року. То, что он делает, не совсем поп, у этого парня очень чувственная и в то же время энергичная музыка. С ним можно работать.

— А у него есть перспективы реализоваться, скажем, в Штатах?

— Ну... вы знаете... в Штатах все очень сложно, очень сложно.

— Понятно. Скажите, а где лично вы проводите границу, за которой начинается поп-музыка? Вот, например, Майкл Фрэнкс — это поп или джаз?

— Больше поп. Это очень легкая, мягкая музыка с вкраплениями джаза.

— А Эрл Клуэг, ваш коллега по гитарной музыке?

— У него есть чувство джаза, но по содержанию это тоже все-таки поп. Точнее, так: поп-мелодии на джазовом фоне.

— А «Акустик Элкеми»?

— Также легкие вкрапления джаза.

— Так что же, мягкий джаз вообще джазом не является?

— Мягкий джаз — это все-таки поп-музыка. Его можно сравнить с диско, эту музыку не нужно переживать, чувствовать, под нее можно танцевать, отдыхать и вообще делать все, что угодно. Это фон, который не отвлекает и не затягивает себя.

— Тогда определите, что для вас настоящая музыка?

— Настоящая музыка полностью поглощает. Вы должны погружаться в нее, она сама формирует ваше эмоциональное состояние, при этом стремясь быть вам максимально близкой. Именно такую музыку пытаюсь играть я и всеми способами стремлюсь избегать непозволительной легкости восприятия.

— Вы знаете, что средняя зарплата по России не превышает тридцати?

Эл Ди МЕОЛА:

ХОЧУ СЫГРАТЬ «БИТЛЗ»

В музыку пришел большой бизнес. Он стремится придавить то, что мы называем искусством

— А есть ли какое-нибудь направление в музыке, которое вы абсолютно не принимаете?

— Рэп. Это отвратительная музыка.

— А хеви-метал?

— Зависит от содержания. Я не люблю хеви-метал, но с удовольствием слушал два первых альбома «Лед Зепелин», в определенном смысле предтечу хеви-метал. Это очень артистичная музыка. И сегодня, если говорить о гитарном саунде, в этом направлении встречаются довольно интересные мелодии.

— Мистер Ди Меола, в свое время выход альбома «В пятницу вечером в Сан-Франциско» в Москве был прорывом в нашей музыкальной культуре. Скажите, вы получили какие-нибудь авторские отчисления за него?

— Нет, конечно. В то время, да и потом мы из России не получали абсолютно ничего.

— Значит, для музыкантов нет практически никакой разницы между официальным и пиратским тиражированием альбомов в России?

— Я не могу говорить за всех. Может быть, кто-то что-то и получал.

— А как вы вообще относитесь к музыкальному пиратству?

— Ну, кроме России, этим активно занимаются в Азии, Африке. У всех этих стран очень плохая репутация в этом смысле. Я думаю, что правительства должны каким-то образом решить этот вопрос.

— Мистер Ди Меола, какова средняя цена компакт-диска, изданного на Западе?

— Около пятнадцати долларов.

— Вы знаете, что средняя зарплата по России не превышает тридцати?

— До сих пор?

— Да, хотя в Москве чуть больше. Ведь вы как музыкант наверняка хотели бы, чтобы вас здесь слушали разные люди. И что нам делать?

— Ну-у... В этом случае, конечно, правительство сначала должно решить все другие вопросы.

— Значит, вы можете простить тех людей, которые покупают альбомы у пиратов, если у них нет другой возможности?

— Конечно! Я просто обязан это сделать!

— Ну это говорит артист, а что скажут ваши юристы, продюсеры? Те, кто зарабатывает деньги на вашей музыке?

— Это сложный вопрос. Но я думаю, что нам пока может хватать всего остального мира.

— Спасибо. Кстати, касаясь этого вопроса, что вы можете сказать о таких суперзвездах, как Мадонна, Майкл Джексон... Они артисты или уже предприниматели от шоу-бизнеса?

— Что касается Мадонны, то я могу сказать: она просто великий артист. Здесь нет никаких сомнений. Но, знаете что, между разными сторонами жизни должен быть баланс. У простых людей это, например, баланс между работой и семьей. Мадонне при ее объемах работы необходимо соблюдать баланс между творческой и деловой частью жизни. У нее целая команда менеджеров, команда издателей, команда техников, на нее работают сотни людей! Конечно, ей приходится часть самой себя отдавать бизнесу. Это очень трудное дело, ей, например, просто не хватает одного юриста, с ней работают пять! И у всех — дел невпроворот! Это ведь не только в России, но и в Штатах ком-

Случилось чудо. В Москву приехал Эл Ди Меола. Посвященным о нем рассказывать не нужно. А для тех, кто «не в материале», скажу, что одно лишь перечисление великих музыкантов, с кем он успел поработать, займет объем в полполосы. Напомню: когда фирма «Мелодия» в начале 80-х (как всегда, «на хляву») выпустила альбом «В пятницу вечером в Сан-Франциско», в головах тысяч любителей рока произошла революция: мы поняли, что на акустическом инструменте возможен такой же, если не больший, «драйв», как на электрогитаре. Среди свершивших эту революцию был Эл Ди Меола.

Он принял меня утром после концерта в лучшем номере гостиницы «Балчуг» с роскошным видом на Кремль. Этот самый вид и определил начало нашей беседы...

Новая газ-200-27 мая-с 12

пани, выпускающие альбомы, не любят платить артисту! Это очень сложная работа. У вас должен быть юрист, который следит за ними и все время подталкивает. И кстати, почти все деньги забирает себе.

— Мистер Ди Меола, скажите: а музыканты вашего уровня испытывают определенную ревность к успеху поп-звезд?

— Безусловно, и я — один из них! То, что происходит с джазовыми и классическими музыкантами, похоже на штраф за превышение скорости! Ведь ни в одной другой профессии нет такого парадокса: человек работает глубже, профессиональнее, полнее, техничнее, а его достижения в результате оцениваются дешевле, чем его менее опытного коллеги. Ведь невозможно представить подобную ситуацию, скажем, в медицине или юриспруденции!

— Н-да, «приумножая знания, приумножим скорби свои»...

— Именно! Вот, например, Пафф Дэдди, знаете такого?

— Ну, имя слышал...

— Это просто невероятно: каждый день мы про него читаем в газетах и журналах, видим его по телевизору... Но ни один человек толком не знает, что же он такого сделал! Никто не может напеть ни одной его мелодии, но все знают, что он — величайший музыкант всех времен и народов! И получает он бешеные деньги!

— Но, если я правильно понимаю, вы не согласны с тем, что он оказался на его месте?

— Конечно, нет, хотя получает он такие деньги, что никому не снились! Может быть, все дело в том, что он

бойфренд Дженнифер Лопес... Так ведь и начнешь задумываться, с кем дружить... А что с этим в России?

— Приблизительно то же самое. Только основная проблема не с рэпом, а с блатной.

— Что это?

— Дело в том, что единственный жанр, который русская культура принесла в «неклассическую» музыку самостоятельно, это так называемый городской романс. Жанр, музыкально очень бедный: ему обычно хватает трех-пяти гитарных аккордов, но довольно богатый поэтически. Так вот, существует несколько видов городского романа, и в связи с безумной криминализацией общества несколько лет назад на первое место по популярности вышла блатная, то есть воровская песня. Вся поэтическая составляющая, естественно, потерялась. Конечно, с эстрады звучит не только блатная песня, но даже танцевальная поп-музыка вобрала в себя эту культуру, ориентируясь на платежеспособную аудиторию!

— Печально. Но думаю, что это у вас скоро пройдет. Для меня, например, было приятным сюрпризом, что в Нижнем Новгороде есть джазовая радиостанция. В Москве нет, а в Нижнем есть!

— Скажите, а что сейчас с культурой публики в Америке и Европе?

— И это трудный вопрос. По крайней мере, публике сейчас сложнее полюбить мою музыку, чем двадцать лет назад. В музыку пришел большой бизнес, он стремится придавить в музыке то, что мы называем искусством. Это и определяет политику музы-

кальных радио- и телеканалов.

— Но почему?

— Поймите, им нужно привлекать рекламодателей, а рекламы дают на канал тем больше, чем больше людей его смотрят или слушают, поэтому они стремятся к тому, чтобы радиоволну слушали вообще постоянно. Мы с вами уже говорили, что слушать настоящую музыку — это большая нагрузка, которая отвлекает от всех других дел, поэтому мою музыку нельзя воспринимать во время работы или приготовления обеда. Тот же мягкий джаз можно слушать круглые сутки! И чистую поп-музыку тоже, и диско, и рэп! А я уже не отношусь к категории легкой музыки, которая выгодна всем радиостанциям и телеканалам.

— А кто был тем первым музыкантом, услышав которого вы решили взять в руки гитару?

— Мне трудно вспомнить точно, но думаю, что это был Элвис Пресли. Ведь в детстве нам всегда хочется подражать самым ярким, самым заметным. А еще группа «Венчерс»... Они казались такими красочными, такими интересными! А потом, когда мне было восемь лет, у меня появился учитель по классу гитары, благодаря которому, собственно, я оказался здесь. Мне хотелось играть «Битлз» и «Венчерс», а он дал мне классическую джазовую школу в духе Уэса Монтомери и научил тому, что я сейчас делаю. Большое ему спасибо.

— Я, честно говоря, не слышал ни одной композиции вашей ранней группы Return To Forever. Скажите, это был рок или джаз?

— Это была рок-музыка с джазовым пониманием и латинским наполнением.

— А кого из современных молодых гитаристов вы могли бы отметить?

— В жанре фламенко есть потрясающий парень Винсент де Амито, его называют «Новый Пако». Еще я люблю Роба Теннера и некоторых бразильских гитаристов. Я говорю, конечно, не об электрической, а об акустической гитаре. Владение ею, пожалуй, и есть то, что в музыке отделяет мужчин от мальчиков.

— Мистер Ди Меола, где вы сейчас живете?

— У меня два дома в Штатах. Один — в Майами, другой — в Нью-Джерси. Больше я живу в Нью-Джерси, в этом районе я вырос и люблю эти места.

— А какие компакт-диски сейчас стоят на проигрывателях в вашем доме в Нью-Джерси и в автомобиле?

— (Смеется.) Я сейчас, пожалуй, возвращаюсь в прошлое. Это «Битлз». На проигрывателе дома я оставил «Серванта Пеппера», а в машине — «Мэджилл Мистери Тур». Эта музыка вдохновляла меня мальчишкой, когда я впервые купил эти альбомы, но и сегодня она осталась великой музыкой. Один только «День в жизни» чего стоит... У меня есть маленькая мечта: думаю, что одним из моих следующих проектов будет «Эл Ди Меола играет «Битлз».

— Но ведь сначала вы купили виниловый альбом, потом он наверняка «запилился», и пришлось купить новый. В машине вы тогда слушали кассеты, уже потом появились компакт-диски. Так сколько экземпляров «Серванта Пеппера» сменилось в вашей фонотеке за эти годы?

— (Опять смеется.) Пять. Недавно я купил уже пятого «Серванта Пеппера».

● Беседовал и переводил Сергей МИРОВ